

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С51

Ivy Smoak
Untouchable

Печатается с разрешения литературного агентства
Metamorphosis Literary Agency LLC

Дизайн обложки *Яны Половцевой*

Смоук, Айви.

С51 Короли «Эмпайр-Хай»: [роман] / Айви Смоук; пер. с англ. Н. Нестеровой. — Москва: Издательство АСТ, 2022. — 352 с. — (Бумажная принцесса).

ISBN 978-5-17-148753-9

Все знают Мэтью Колдуэлла. Очаровательного. Великолепного. Богатого. Когда он приглашает меня в жизнь богатых и знаменитых, я соглашаюсь в одно мгновение. Но что кроется за всем блеском и гламуром? Тайны. Ложь. Предательство.

Все это за идеальной улыбкой и сшитом на заказ костюме. Я должна была сразу все понять, чем продолжать притворяться, что принадлежу его миру...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-148753-9

© Ivy Smoak, 2020
© Наталия Нестерова, перевод
на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2022

ГЛАВА 1

Пятница

«Неприкасаемые». Именно так все называли братьев Хантеров и Колдуэллов. По крайней мере, так называла их Кеннеди. А поскольку кроме нее в новой школе со мной больше никто не разговаривал, приходилось верить ей на слово.

Возможно, это прозвище приклеилось к ним из-за того, что они были нереально богатыми. Богатыми в сотом поколении, о чем не особо распространяются на публике. Впрочем, стоило лишь взглянуть на их манеру держаться, и все сразу становилось ясно. Эта четверка как раз проходила мимо моего шкафчика в раздевалке.

А может, слово «неприкасаемые» намекало на их необыкновенно ослепительную красоту? Джеймс и Роберт Хантеры — какое клише — высокие и мужественные брюнеты. Мейсон и Мэттью Колдуэллы тоже были высокими и мужественными, но волосы у них отливали золотом. Тем же золотом, что и часы «Ролекс», выглядывавшие из-под рукавов их пиджаков.

Происхождение этого прозвища не казалось мне таким уж важным. Куда сильнее меня забавляла ирония — я ходила в эту школу всего неделю, но мне уже хотелось *прикоснуться* к ним.

Щелчок вспышки фотоаппарата заставил меня отвлечься от восторженного созерцания братьев и переключить свое внимание на Кеннеди.

— Бруклин, что ты читаешь? — спросила она, не открывая взгляда от дисплея фотоаппарата. Она стояла, прислонившись к шкафчику рядом с моим, и не обращала ни малейшего внимания на прошествовавших мимо греческих богов. Возможно, через годик я тоже научусь их игнорировать. Но пока мне трудно было не глядеть в их сторону.

Я посмотрела на книгу у себя в руке. «Джейн Эйр». Я сунула ее в рюкзак к остальным романам, которые взялась почитать на выходных.

— Тоска какая! Не хочешь почитать что-нибудь повеселее?

Я рассмеялась, но мой смех прозвучал грустно и неестественно. Я уже и забыла, когда в последний раз смеялась от души. Однако Кеннеди попала в яблочко. Я уже несколько раз начинала читать эту книгу, но никак не могла сосредоточиться на тексте. И не потому, что роман казался мне скучным, а потому что мне не удавалось проникнуться болью другого человека, ведь моя собственная боль все еще была так сильна.

— Мы же проходим ее по английской литературе.

Кеннеди оторвалась от своего фотоаппарата.

— Ну так прочитай в кратком пересказе.

Я удивленно покосилась на подругу. Она ведь несерьезно, правда? Ей удалось попасть в эту школу только потому, что она получила стипендию на обучение. Я же оказалась здесь благодаря своему дяде, который работал в школе уборщиком. Нашей семьей повезло, никак иначе меня в такое престижное

заведение бы не приняли — связи решают многое. Даже такие связи. Другим словами, мы с Кеннеди должны были хорошо учиться, чтобы нас не исключили. Мы счастливчики, которые попали в лучшую старшую школу Нью-Йорка. И пусть мне совсем не нравились новая школа и большинство учившихся в ней снобов, я не собиралась упускать свой шанс и начинать все с нуля. Снова. Так что мне даже в голову не приходила мысль пренебречь чтением «Джейн Эйр», которую нам задали, только потому, что книга была унылой.

— Не могу. И ты тоже не хочешь получить плохую оценку, верно? Сомневаюсь, что в государственной школе тебе выдадут фотоаппарат для занятий. И уроков по фотографии там наверняка тоже нет.

Кеннеди рассмеялась.

— Я и сама знаю! Когда фотографирую на улице, то боюсь даже не ограбления, а как бы меня не арестовали за то, что у меня такая дорогая камера.

— Грабителей тоже стоит опасаться. — Я приехала в город всего несколько недель назад, но уже поняла, насколько здесь тревожно жилось. Вой сирен не давал мне уснуть по ночам. Впрочем, у меня и без того были проблемы со сном.

— Если честно, мне кажется, мистер Томсон даже переживать из-за этого не станет. Он немного поругает меня и даст новую. Одно из преимуществ учебы в «Эмпайр-Хай». — Она отступила на шаг назад и поднесла фотоаппарат к лицу. — А теперь «улыбочку»!

Я покачала головой.

— Мне пора домой. Перед работой нужно приготовить что-нибудь дяде на ужин. Иначе он опять закажет еду навынос.

Кеннеди все равно вновь сфотографировала меня.

— А что плохого в еде навынос? Мы с мамой часто покупаем ее, когда она задерживается.

— Это не очень полезно.

— Вижу, ты довольно быстро освоилась в новой школе! — Подруга подтянула вверх юбку, чтобы та казалась короче — так делали все популярные девчонки в школе. — Сырные палочки? — поинтересовалась она, а затем театрально смахнула с лица прядь волос. — Какие еще сырные палочки? Я ем только дикого лосося, которого мой личный повар подает мне на серебряном блюде!

Я рассмеялась, на этот раз искренне.

— Перестань!

И она еще удивлялась, почему одноклассники не хотели с ней общаться. Не то чтобы я ее в чем-то винила. Кеннеди — невероятно харизматичная девушка. Не такая тихоня, как я. Возможно, поэтому мы и подружились. Она излучала энергию, которой мне так не хватало, а я нуждалась в поддержке, ведь большую часть времени не могла даже нормально дышать.

Кеннеди снова взбила свои кудри.

— Просто... Я никогда еще не брала в руки нож! И понятия не имею, как им пользоваться. Им же режут? Ох, лучше заплачу другим, чтобы они сделали это вместо меня.

— Думаю, ножом пользоваться все умеют.

— Не уверена. Но можешь спросить об этом у королевы школы.

Кеннеди опустила юбку на место. Как раз в этот момент в коридоре появилась Изабелла в сопровождении своих злобных подружек.

— Я с нетерпением жду сегодняшнюю вечеринку! — воскликнула Изабелла достаточно громко, чтобы мы ее услышали. Наверное, хотела лишний раз напомнить, что нас на нее не позвали. Да, черт возьми, я до этого момента и не слышала ни про какую вечеринку! И меня совершенно не волновали подобные мероприятия. В прежней школе я не хо-

дила на тусовки, потому что работала все выходные. В «Эмпайр-Хай» вряд ли что-то изменится.

Высокие каблуки Изабеллы звонко цокали, пока она шествовала по коридору. Она училась в выпускном классе и была такой же знаменитой, как и «Неприкасаемые». Только, в отличие от них, ее не уважали, а боялись. По крайней мере, я.

Я принялась застегивать молнию на рюкзаке, ожидая, когда смолкнет назойливый цокот. С Изабеллой мы общались лишь однажды. Да и то, общением это вряд ли можно было назвать. Как-то во время ланча она заметила, что я пристально рассматриваю «Неприкасаемых». Мне стоило избавиться от этой дурной привычки, пока она не привела к проблемам посерьезнее, чем насмешки Изабеллы.

Наконец стук каблуков прекратился. Но, увы, Изабелла остановилась прямо напротив нас. Я подняла на нее взгляд.

— У тебя на кедах дырка, — сказала она мне. Точнее, говорила она в пустоту, словно меня не существовало. Такая у нее манера общения — говорить с пустым местом.

Ее подружки захихикали.

Я посмотрела на свои кеды, хотя уже знала, о чем идет речь. Сбоку, у резиновой подошвы, отошла ткань и образовалась дыра. Я уже скопила достаточно денег, чтобы купить новые, но эти кеды мне подарила мама несколько лет назад на день рождения. А любое напоминание о ней было для меня особенно важно.

— Не слушай ее, — вмешалась Кеннеди. — Изабелла просто завидует. С ее ногами можно ходить только на высоченных шпильках, а ты и в кедах выглядишь замечательно.

Изабелла расхохоталась.

— Я и в дешевых кроссовках буду смотреться на миллион долларов. Но... тебе не кажется, что в такое престижное место подобную обувь надевать не стоит?

Я попыталась расправить плечи, чтобы выглядеть так же уверенно, как и Кеннеди. Но мне совершенно нечего было ответить. Если только подчеркнуть, что моя обувь — отнюдь не дешевая. Пятьдесят долларов для меня — долгие часы работы. Но для Изабеллы, возможно, это лишь крошечная часть карманных денег. Если, конечно, у богатых бывают карманные деньги. Возможно, она пользовалась кредитной картой без установленного на ней лимита.

— Лучше бы ты выкинула этот дешевый хлам, — посоветовала Изабелла. — Выглядит по-уродски. Поверь мне, милая, я делаю большое одолжение, что говорю тебе об этом.

Мама называла меня «милой». Но совсем *не таким* тоном. Мамин голос был наполнен любовью и теплотой. Господи, как же я по ней скучала. Я почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы.

— Еще не хватало, чтобы ты расплакалась, — презрительно усмехнулась Изабелла.

Она не понимала. Да и как такой человек мог меня понять? У нее было все. А у меня — только воспоминания о том, как меня любила мама. Но и эти воспоминания стали чем-то далеким после того, как дядя, внезапно появившийся в моей жизни, приютил меня. Еще у меня осталась эта пара кед, к которым я так прикипела душой.

Изабелла задела меня, но я все равно никуда не уходила. Терпела ее жестокие насмешки, чтобы она не увидела, как я убегаю в слезах.

На фотоаппарате Кеннеди снова сработала вспышка.

— Фотографируешь меня для своего проекта? — спросила Изабелла. — Надо же!

— Нет. В моем проекте не будет фото таких мерзких людей, — ответила Кеннеди. — Я просто хочу запечатлеть, какая же ты невыносимая!

Изабелла только закатила глаза.

— Пойдем, — сказала Кеннеди и дернула меня за руку.

Я закрыла свой шкафчик и повесила рюкзак на плечо. Смех Изабеллы и ее подруг эхом звучал у меня в голове, пока мы проходили через украшенные резьбой деревянные двери школы. Раньше я любила, когда лето заканчивалось и наступала осень. Но в Нью-Йорке смена сезонов ощущалась не так явно. Здесь повсюду был бетон, а воздух казался холодным и промозглым.

— Знаешь, Бруклин, когда-нибудь я покажу Изабелле это фото. Она вспомнит наш разговор и ей станет стыдно. Однажды она пожалеет о том, что вела себя как стерва.

Может быть. А может быть, и нет.

Я оглянулась, надеясь, что Изабелла не пошла за нами, дабы продолжить издевательства.

Школа «Эмпайр-Хай» находилась между двумя небоскребами. Можно было подумать, что она легко затеряется среди таких громадных зданий. Но нет. Напротив, она выделялась на их фоне благодаря готической архитектуре. Лестница, ведущая к входу, казалась бесконечной, и у меня всю неделю болели мышцы на ногах. Порттик перед входом поддерживали мраморные колонны. Надпись, сообщающая о названии престижной академии «Эмпайр-Хай», сверкала в лучах солнца, и я не сомневалась, что буквы были сделаны из настоящей бронзы. Это здание скорее напоминало замок, чем школу. И, поднимаясь по ступеням, я чувствовала себя здесь настолько же чужой, как если бы в самом деле входила в старинный особняк.

— Вот увидишь, — с умным видом заявила Кеннеди, — пройдет время, и Изабелла все поймет. Когда-нибудь мы с тобой разбогатеем и заставим ее признать свои ошибки. Потому что, даже став нереально богатыми, мы все равно не будем такими засранками.

Я ничего не ответила. Раньше я мечтала разбогатеть. Когда мы с мамой жили в Делавэре и едва сводили концы с концами, мне казалось, что деньги могли бы все исправить. Но после того, как мама заболела, самым ценным для меня стало время. Мне его постоянно не хватало. Я долго не могла ни о чем больше думать. Я до сих пор это ощущала. Это как бомба с часовым механизмом, отсчитывающая секунды до взрыва. Но разве она не взорвалась тогда, когда я похоронила маму? Когда переехала сюда? Когда начала ходить в эту школу, где мне явно было не место? И все равно я до сих пор слышала тикающий звук. Словно в скором времени снова случится нечто ужасное. Еще один взрыв. Хотя и от первого я едва успела оправиться.

Я увидела, что «Неприкасаемые» уезжают на мерседесе Джеймса. И хотя Кеннеди дала им такую кличку, в школе все понимали, что неприкасаемыми не они. Этот титул принадлежал мне и всем ребятам, учившимся на стипендию, вроде Кеннеди. Мы были настоящими неприкасаемыми. Потому что не принадлежали к их миру. И никогда не будем принадлежать.

ГЛАВА 2

Пятница

— Ты готова? — спросила с кухни Кеннеди.

Я подпрыгнула от неожиданности и ударилась головой о полку своего шкафа. *Ой!* Никак не могла привыкнуть к тому, что у нее был ключ от квартиры моего дяди. Нет, меня это совсем не возмущало. Ее мама и мой дядя довольно близко общались и уже сто лет как были соседями. Если бы не их дружба, Кеннеди ни за что не приняла бы меня в свой ближний круг.. состоявший из одного человека. Теперь он расширился до нас двоих.

Кеннеди вошла в мою комнату, наслаждаясь одним из вегетарианских буррито, которые я приготовила для дяди.

— Когда будешь украшать комнату? — спросила она и откусила от буррито еще один огромный кусок.

Хоть она и признавалась в своей любви к фаст-фуду, моя стряпня ей, похоже, тоже была по душе.

— Мне нечем особенно украшать.

Я солгала. У меня сохранилось множество фотографий. Почти на всех были мы с мамой. Даже вспоминая об этом, я начинала плакать. Смогу ли

я каждый день смотреть на ее улыбающееся лицо? Я прогнала эти мысли и завязала волосы в хвост.

— Я про постеры и тому подобное, а не про всякие дорожные вазы. Сейчас это больше похоже на номер в гостинице, чем на твою комнату. Ты должна здесь обжиться.

— Я обжилась.

— Ага, ты до сих пор не разобрала коробки! — Она толкнула ногой одну из них. — Я распечатала несколько фотографий для тебя. Неудивительно, что ты редко улыбаешься. Я бы тоже загрустила, если бы читала «Джейн Эйр» и жила среди голых бежевых стен.

Я постаралась одарить ее самой лучезарной улыбкой, на которую у меня только хватило сил. Ведь мы обе знали, что мне было так тяжело улыбаться вовсе не из-за цвета стен в моей комнате и не из-за книги, которую я читала. И я просто обожала Кеннеди за то, что она не напоминала мне о маме.

— Так ты готова? — спросила она.

— Да.

Кеннеди по-прежнему рассматривала мои коробки.

— Хочешь, я помогу тебе их разобрать, когда мы вернемся?

Сначала мне захотелось отказаться. Но потом я вспомнила, что сегодня вечер пятницы. А вечером в пятницу все нормальные подростки тусуют со своими друзьями, так ведь?

Возможно, мне тоже стоило отвлечься хотя бы на несколько часов.

— Было бы здорово.

— Круто! — Она взяла меня под руку и повела из моей комнаты в коридор.

— И кстати, спасибо, что устроила меня на эту работу.

Кеннеди работала в компании, обслуживающей различные банкеты и вечера, и позвала меня к себе. Дядя говорил, что мне необязательно работать. Но я и так свалилась на него несколько недель назад как снег на голову. Не хотелось бы обременять его еще больше. Я решила, что буду помогать ему оплачивать жилье, и неважно, хотел он этого или нет.

— Не стоит благодарить меня. Это мало чем отличается от нашей учебы в школе. Ходишь с подносами и подаешь местной элите закуски, названия которых я не могу даже выговорить. К тому же, никаких чаевых. Но, честное слово, это лучше, чем быть официанткой. Работать в Нью-Йорке официанткой — это просто кошмар. Тут все идут в официанты: начинающие актеры, писатели и прочие. Текучка безумная! Я поработала в дюжине ресторанов, прежде чем устроилась сюда. Ненавижу чувствовать себя ненужной.

— Поверь мне, тебя нельзя назвать ненужной.

Я вот, к примеру, не знала, что бы я делала без Кеннеди.

Подруга взяла меня за руку, когда мы вышли на улицу. К вечеру сильно похолодало. Прижавшись друг к другу, мы пробирались через толпу на тротуарах. Да, мы с Кеннеди совсем недавно познакомились, но я уже чувствовала себя спокойно и расслабленно, даже если мы просто молчали. Ни с кем из моих друзей в Делавэре я не испытывала такой душевной близости. Возможно, из-за того, что, когда моя жизнь рухнула, они не попытались поддержать меня, а только испытывали жалость. Кеннеди знала, что такое потерять близкого человека. Дядя рассказал мне, что ее отец умер, когда она была еще совсем маленькой.

— Поделишься «страшной» правдой про кеды? — неожиданно спросила Кеннеди. — В одной из твоих

нераспакованных коробок я видела и другую обувь. Без дырок.

— Мне их подарила мама. — Я старалась говорить спокойно. В тот день я уже дала волю чувствам, нужно было научиться держать себя в руках.

— А... по-моему, они милые.

— Спасибо.

Кеннеди могла бы спросить меня еще о чем-нибудь, но она не стала этого делать. Думаю, мама провела ей краткий инструктаж по «основам» моего прошлого и велела не мучить меня расспросами. Но если я и готова была с кем-то говорить о случившемся, то только с Кеннеди.

— Я скучаю по ней, — призналась я.

— Мне кажется, лучше вспоминать, а не скучать.

Сколько раз я слышала от людей: «Мне очень жаль»? Бессчетное количество! Вот только на самом деле они лгали. Понять меня мог только тот, кто сам потерял любимого человека.

— Какие воспоминания у тебя связаны с отцом? — спросила я.

— Ого! Кто бы мог подумать, что твой дядя окажется таким сплетником? — усмехнулась Кеннеди, но все-таки ответила: — Отец был очень тихим. — Она посмотрела на небо. — Мы с ним любили разглядывать облака на крыше нашего дома. От него всегда пахло сигаретами. Мне нравится этот запах, хотя, честно говоря, к курению я отношусь негативно. Я улыбаюсь, когда ощущаю запаха никотина... А ты совсем не помнишь своего отца?

— Нет. Я его не знала. Мама говорила, что он бросил нас, когда узнал, что она беременна.

— Вот сволочь! Зато твой дядя совсем другой. Он тот еще сплетник, но очень добрый. Тебе повезло.

Я совсем не чувствовала себя везучей. Дядю я почти не знала. Он приютил меня, когда я оказалась на улице, что, по определению, добрый

поступок. Так что мне стоило приложить больше усилий, чтобы узнать его. К слову, я добавила этот пункт в мой бесконечный список дел, которые необходимо выполнить, чтобы не доставлять дяде неудобств.

— Так что за вечеринку мы сегодня обслуживаем?

— Кажется, день рождения какого-то богатенького старикана. Да какая разница? Всего три часа, а потом устроим себе девичник.

Мы остановились перед незнакомым отелем. Я уже собиралась шагнуть к центральному входу, как вдруг Кеннеди схватила меня за руку.

— Мы должны обойти вокруг.

Я рассмееялась, но замолчала, увидев выражение ее лица.

— Ты серьезно? Типа... вход для прислуги?

— Нет. Вход для персонала. Ты в каком веке живешь? В начале XX-го? Мы же не в сериале «Аббатство Даунтон». Ладно, пойдем, я тебе покажу.

Она потащила меня мимо отеля, и мы свернули на грязную боковую улочку. С этой стороны, скрытой от посторонних глаз, отель выглядел довольно обветшалым. Ржавая дверь была приоткрыта, и холодный воздух проникал в служебное помещение без кондиционера.

Я оглянулась на большую улицу. Женщины в длинных платьях, мужчины в смокингах... А на мне красовались дырявые кеды, теперь уже и черный фартук, и я собиралась войти через дверь, которая выглядела, как в фильмах ужасов! Я давно привыкла к бедности. Тут ничего нового. Но меня еще никогда не окружало такое количество немыслимо богатых людей! Я в жизни не чувствовала себя настолько не на своем месте.

— Честное слово, все не так уж и плохо, — сказала Кеннеди, проследив за моим взглядом. — Для

богачей мы невидимки. Их интересуют только вкусы, которые мы разносим.

Невидимки. Мы определенно были неприкасаемыми. Но, пока рядом стояла Кеннеди, меня это не особо беспокоило. Уж лучше быть неприкасаемой, но вместе с ней, чем в роскошном платье, но с ужасными людьми вроде Изабеллы.

По крайней мере, с королевой драмы мне предстояло увидеться не раньше понедельника.

— А самое замечательное, что богачи никогда не съедают все блюда! И остатки мы делим между собой. Так что приготовься, твои вкусовые рецепторы скоро просто взорвутся. Строго говоря, это нельзя назвать едой на вынос. Так что тебе должно понравиться.

Дорогая еда не всегда бывает полезна. Я почему-то подумала о куче сливочного масла, чтобы придать закускам более яркие нотки. При мысли об этом у меня заныло в груди. Самая вкусная еда дома, и мне внезапно так захотелось туда вернуться! Не в маленькую квартирку моего дяди. А в мой настоящий дом. В дом, которого у меня больше не было.